

ОШО

О СУФИЯХ, СУФИЗМЕ И СУФИЙСКИХ ИСТОРИЯХ

ЛЮДИ ПУТИ

ВЕСЬ

OSHO

Бхагаван Шри Раджниш (Ошо)
Люди пути. О суфиях, суфизме
и суфийских историях
Серия «Путь мистика»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8635043

Ошо Люди пути. О суфиях, суфизме и суфийских историях.: ИГ «Весь»;

СПб; 2013

ISBN 978-5-9573-2588-8

Аннотация

Жизнь, подчиненная какой-либо цели, – это путь. И суфии обычно именуют себя людьми пути, имея в виду дорогу к истине, осознанности, просветлению... Но только ли суфиям открывается истина? Ошо утверждает, что дорогу к осознанию легко обнаружить любому из нас. Так как же понять, что является нашим истинным предназначением? Что значит «ищущий»? В этой книге Ошо открывает сокровищницу суфийской мудрости, пришедшей из глубины веков. Прошлое и будущее, брэнное и вечное, человеческое и Божественное – эти и многие другие темы с потрясающей ясностью и убедительностью рассмотрены в беседах Ошо. «Суфизм учит нас жить легче, проще и радостнее. Для этого ничего не надо делать – вам осталось только взять этот дар из рук суфиев. Поэтому я и говорю, что суфизм – это особая

разновидность волшебства, редкий вид волшебства», – объясняет Ошо. И если вы готовы побыть немного волшебниками, тогда в путь! *Ранее книга выходила под названием «Суфизм: люди пути. Беседы о суфизме»*

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	43
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Ошо

Люди пути. О суфиях, суфизме и суфийских историях

Osho

Sufis: the People of the Path

OSHO является зарегистрированной торговой маркой и используется с разрешения Osho International Foundation. www.osho.com/trademarks

Все права защищены.

Публикуется на основе Соглашения с Osho International Foundation, Bahnhofstr/52, 8001 Zurich, Switzerland, www.osho.com

Глава 1

Редкий вид волшебства

Увайса спросили: «Как вы себя чувствуете?»

Он ответил: «Как тот, кто поднялся утром и не знает, будет ли он жив вечером».

Тот, кто спрашивал, возразил: «Но все люди находятся в такой ситуации».

Увайс ответил: «Да, но кто из них чувствует это?»

Однажды ко мне пришел ученый мусульманин и спросил: «Вы же не мусульманин, как вы можете говорить о суфизме?»

Я ответил ему: «Я не мусульманин, однако я – суфий».

Суфию не обязательно быть мусульманином. Суфий может существовать где угодно, в любых условиях, потому что суфизм – это сокровенная суть всех религий. Он не имеет ничего общего с исламом. Суфизм может существовать без ислама, а вот ислам не может существовать без суфизма. Без суфизма ислам – труп. Только в суфизме он оживает.

Если какая-либо религия жива, то только благодаря суфизму. Суфизм – это любовное приключение с Богом, с запредельным, любовное приключение с целым. Суфий – это человек, который готов раствориться в целом, который готов

пригласить целое, чтобы оно пришло в его сердце. Суфизму неведомы никакие формальности. Он не ограничен никакой догмой, доктриной, вероучением или церковью. Христос – суфий, как и Мухаммед. Кришна – суфий, равно как и Будда. Это первое, что мне хотелось, чтобы вы запомнили: суфизм – это сокровенная суть – так же как дзен, как хасидизм. Это лишь разные названия для одних и тех же отношений с Богом.

Эти отношения опасны. Они опасны из-за того, что чем ближе вы становитесь к Богу, тем больше вы исчезаете. А когда вы подходите по-настоящему близко, вас вообще нет. Это опасно, потому что это суицидально... но такое самоубийство прекрасно. Умереть в Боге – это единственный способ жить по-настоящему. Пока вы не умираете, до тех пор пока вы добровольно не умираете в любви, ваше существование очень посредственно, вы живете растительной жизнью, в вас нет никакого смысла. Никакая поэзия не расцветает в вашем сердце, никакой танец, никакой праздник, вы просто бредете на ощупь в темноте. Вы живете по минимуму, вас не переполняет экстаз.

Такое переполнение случается только тогда, когда вас нет. *Вы* сами – препятствие. Суфизм – это искусство удаления препятствий между вами и *вами*, между собой и *собой* – между частью и целым.

Кое-что о слове *суфизм*. Древнеперсидский словарь приводит в статье с заголовком «суфизм» следующее толкова-

ние, содержащее рифму: «*Sufi Chist – Sufi, Sufist*». И переводится эта фраза так: «*Кто такой суфий? Суфий – это суфий*». Прекрасное определение. Суфий – это суфий. Это определение ничего не говорит и, тем не менее, говорит многое. Речь идет о том, что суфию нельзя дать определения; нет другого слова, с помощью которого можно было бы объяснить, кто такой суфий, нет синонима, нет никакой возможности объяснить это явление с помощью языка, оно неопределимо. Вы можете проживать его, вы можете познавать его, но с помощью ума, с помощью интеллекта это невозможно. Вы должны *стать* суфием – вот единственный способ узнать, что такое суфизм. Вы можете сами попробовать реальность на вкус, она доступна. Вам не нужно погружаться в словари, лучше погрузиться в существование.

Я слышал...

Маленький мальчик играл в саду. Это был совсем маленький мальчик, и он очень боялся огромного дога, который жил в соседнем доме.

Однажды, осмелев, этот мальчик перелез через соседский забор. Дог бросился к нему и... стал облизывать. Мальчик расплакался, и на его крики прибежала мама.

– Он укусил тебя, милый?

– Нет, – прохныкал мальчик, – но он попробовал меня на вкус.

Если вы не готовы отведать кусочек суфизма, вы можете, по крайней мере, ощутить его вкус, и это то, что я собира-

уюсь вам дать, – немного вкуса. Отведав однажды всего лишь каплю нектара под названием суфизм, вы начнете жаждать большего. Впервые вы испытаете сильную жажду Бога.

Эти беседы не смогут объяснить вам, что такое суфизм, – потому что я не философ. Я также не теолог. Я не буду говорить о суфизме, я буду говорить суфизм. Если вы готовы, если вы готовы отправиться в это приключение, тогда вы постигнете его вкус. Что-то под названием «суфизм» начнет происходить в вашем сердце. Это похоже на раскрывающийся бутон. У вас появятся определенные ощущения в сердце – как будто нечто в нем становится бдительным, пробуждается, как будто бы сердце долгое время пребывало во сне, а теперь... первый проблеск утра – здесь-то вы и ощутите вкус.

Суфизм – это особая разновидность волшебства, редкий вид волшебства. Его возможно передать только от человека к человеку, но не через книгу. Его нельзя передать в писаниях. Точно как дзен – это передача за пределами слов. У суфиев для этого есть специальное слово – они называют это *силсила*. То, что индусы называют *парампара*, они называют *силсила*. Силсила означает передачу от одного сердца другому, от одного человека другому. Это очень, очень личная религия.

Вы не можете получить ее, не будучи связанными с просветленным мастером, – другого пути нет. Вы можете прочесть всю существующую литературу о суфизме, но лишь заблудитесь в словесных джунглях. Если вы не встретите про-

водника, если вы не влюбитесь в проводника, вы не ощутите вкуса.

Я готов взять вас с собой в это дальней странствие, если у вас достаточно смелости и тяги к приключениям. Надеюсь, что достаточно – потому что только смелые люди притягиваются ко мне. Это место – не для трусов, это место – не для так называемых религиозных людей, это место – не для так называемых богобоязненных людей. Это место – для тех, кого я зову боголюбящими людьми. А они обладают совершенно иным качеством. Богобоязненный человек никогда не достигнет самых глубоких уровней религии, он не может – из-за страха.

Это выражение «богобоязненный» так нелепо. Если вы боитесь Бога, как вы собираетесь быть любящими? Кого вы собираетесь любить? Если вы не можете любить даже Бога, тогда любовь будет для вас совершенно невозможна. Если даже с Богом вы связаны страхом, что это за отношения? Да, нас учили бояться Бога. В действительности, единственное, чему нас учили, – бояться всего. Вся наша жизнь – это дрожь, страх, трусость – страх перед адом, страх перед Богом, страх наказания. Мы хорошие, добродетельные, потому что боимся. Что это за добродетель, если она основана на страхе? И как можно любить Бога, если ваш подход основан на страхе? Из страха никогда не возникает любовь – это невозможно. А из любви никогда не возникает страх.

Когда вы любите человека, весь страх исчезает. А когда

боитесь – вся любовь исчезает. Вы можете ненавидеть человека, если боитесь его, но вы не можете любить его. На протяжении веков человека учили бояться Бога, и предельным результатом этого стало то, что Ницше был вынужден объявить: «Бог мертв». Это предельный результат ума, ориентированного на страх. Как долго можно терпеть этого Бога? Как долго можно оставаться в страхе? Рано или поздно вам придется его убить. Вот что сделал Ницше. Когда он сказал: «Бог мертв», он также сказал: «Теперь человечество свободно». Бог мертв, и теперь человечество свободно. Как иначе вы можете быть свободны с Богом, если Бог – лишь источник страха? Страх не может дать вам свободу.

Люди, приходящие ко мне, любят Бога. Когда я говорю «боголюбящие», я имею в виду, что они находятся в поиске, они хотят знать. И они хотят подлинного знания, им не нужно заимствованное знание о нем. Они хотят ощутить вкус. Они хотят встретиться, они хотят увидеть Бога, хотят посмотреть в его глаза. Но прежде чем вы сможете смотреть в глаза Бога, вам придется научиться смотреть в глаза мастера. Отсюда начинается взлет. Путешествие начинается.

Я стану доступным для вас. Суфизм – лишь предлог. Я не буду говорить о суфизме, я буду говорить сам суфизм. Слово «суфизм» тоже прекрасно. У него много измерений, и все они прекрасны. Я не хотел бы делать акцент на каком-либо одном измерении, как это делают снова и снова. Некоторые люди выбирают одно измерение, некоторые – другое, но мое

понимание таково, что все эти измерения прекрасны и могут рассказать что-то особенное. Я принимаю их все.

Один старый суфийский мастер, Абул Хасам, сказал: «Когда-то суфизм был безымянной реальностью, а теперь суфизм – это имя без реальности». На протяжении многих веков суфизм существовал без названия. Он существовал как реальность. Вот почему я говорю, что Иисус был суфием, как и Магомет, Махавира и Кришна. Любой, познавший Бога, – суфий. Почему я так говорю? Постарайтесь понять слово суфий, и вам станет ясно.

Слово суфий появилось недавно – оно родилось в Германии, в немецком исламоведении – ему не более ста пятидесяти лет. На арабском это слово *тасаввуф*. Но оба они произошли от корня *суф*, что значит шерсть.

Это кажется очень странным. Отчего шерсть стала символом суфизма? Ученые утверждают, будто бы суфии раньше носили шерстяные халаты. Это верно. Но почему? Никто не ответил на этот вопрос. Почему они носили халаты из шерсти? Мухаммед говорит в Коране, что даже Моисей в момент встречи с Богом был одет в шерстяной халат. Когда Бог заговорил с ним, он был с головы до ног закутан в шерстяной халат. Но почему?

В этом есть глубокий смысл. Шерсть – это одеяние животных, и суфий должен стать таким же простым и бесхитростным, как животные. Суфий должен достичь первородной простоты. Он должен отбросить все проявления цивили-

лизации, он должен отбросить все разновидности культуры, он должен отбросить все обусловленности, он должен снова стать животным. Тогда этот символ приобретает огромное значение.

Когда человек превращается в животное, он не деградирует, он совершенствуется. Когда человек становится животным, он не просто животное. Это невозможно. Вы не можете обратить эволюцию вспять. Когда человек становится животным, он становится святым. Он остается в сознании, но его сознание больше не обременено никакими обусловленностями. Он больше не индус, не мусульманин и не христианин. Он сонастроен с существованием так же глубоко, как любое животное. Он отбросил все возможные философии, он не носит в своем уме никаких мировоззрений, его ум остался без содержимого. Он есть, но он больше не в уме. Быть без ума – таково значение шерстяного халата. Быть как невинные животные, не знать, что такое хорошо и что такое плохо... и тогда возникает высочайшее благо, *summum bonum*.

Когда вы знаете: это – хорошо, а это – плохо, и выбираете хорошее, а не плохое, вы остаетесь разделенными. Когда вы выбираете, возникает подавление. Когда вы говорите: «Я сделаю так. Это должно быть сделано. Это нужно сделать», – это становится обязанностью. Тогда, естественно, вам придется подавлять – вы вынуждены подавлять то, что осудили как плохое, – но подавленная часть остается внутри вас

и продолжает отравлять вас. Рано или поздно она заявит о своих правах, рано или поздно она возьмет реванш. Когда она взорвется, вы сойдете с ума.

Поэтому цивилизованные люди всегда находятся на грани помешательства. Эта земля – большой сумасшедший дом. Некоторые уже сошли с ума, некоторые потенциально готовы. Различие между вами и сумасшедшими не качественное, а только количественное, только в степени. Может быть, они вышли за пределы ста градусов, а вы еще задержались – на девяносто восьми, девяносто девяти – но в любой момент ситуация может вытолкнуть вас за грань. Разве вы не видите этого? Разве вы не наблюдаете свой ум? Разве вы не видите все то безумие, которое не прекращается у вас внутри, оно все время там. Вы избегаете его, занимаете себя тысячей и одним делом, просто чтобы его избежать. Вы не смотрите на него, вы хотите о нем забыть. Это слишком страшно, пугающе. Но оно там – избегаете вы или нет, оно растет. Оно постоянно наращивает силу. В любой момент оно может достичь пика, любая мелочь может спровоцировать его. Когда вы выбираете, вы вынуждены подавлять.

Животное не выбирает. Есть то, что есть. Животное просто принимает это, его принятие целостно. Ему неведом выбор.

Так же делает и суфий. Суфий не знает выбора. Он осознан без выбора. Что бы ни происходило, он принимает это как дар, как подарок Бога. Кто он такой, чтобы выбирать? Он

не доверяет своему уму, он доверяет вселенскому уму. Поэтому, когда вам встречается суфий, вы видите в его глазах, в его существе такую животную невинность, такую свободу, такую радость, какую знают только животные – или деревья, или камни, или звезды.

Идрис Шах осуждал определение суфия от «суф» – «шерсть», на том же самом основании, на котором я его одобряю. Он говорил, что суфии так бдительно относятся к символам – как они могут выбрать своим символом шерсть? Шерсть олицетворяет животное, и Идрис Шах говорил, что суфии не могут выбрать животное в качестве символа. Они – люди Бога, с чего бы им выбирать животное? Это кажется очень логичным и, возможно, нравится многим людям.

Но совершенно по той же причине я одобряю это определение. Для меня быть животным означает быть невинным – не знать морали, не знать аморальности. Быть животным – не осуждение. Святой более похож на животных, чем на вас, так называемых людей.

Человеческие существа – не естественные существа, они очень неестественны, искусственны, как пластмасса. Вся их жизнь – самообман. Если вы прикоснетесь к чьему-либо лицу, вы никогда не дотронетесь до лица, вы дотронетесь только до маски. И помните: ваша рука тоже не настоящая. На нее надета перчатка. Даже любовники не прикасаются друг к другу, даже в любви вы не бесхитростны, даже в любви вы не снимаете масок. Но когда вы хотите любить Бога, вам прихо-

дится обходиться без масок. Вам приходится отбросить все обманы. Вы должны быть подлинно тем, кто вы есть, быть без выбора тем, чем вы являетесь. Только в этой первородной невинности к вам спускается Бог.

И те причины, из-за которых Идрис Шах осуждает толкование, что слово «суфий» происходит от «суф», – это те же причины, из-за которых я его одобряю.

Я слышал...

Католический миссионер пытался обратить в свою веру еврея.

Он сказал: «Все, что тебе нужно делать, это три раза повторить: „Я был иудеем, а теперь я католик. Я был иудеем, а теперь я католик. Я был иудеем, а теперь я католик“».

Тот повторил, но миссионер подумал, что лучше будет проверить вновь обращенного в пятницу у него дома.

Так и есть: еврей жарил курицу.

«Но ты же знаешь, что тебе нельзя есть курицу в пятницу!» – возмутился миссионер.

«Нет, можно, – ответил новоявленный католик, – я трижды окунул тушку в кастрюлю, повторяя: „Когда-то я была курицей, а теперь я рыба“».

Вот как мы продолжаем жить. Наша религия в точности похожа на эту притчу – все только на словах. Она не проникает в ваше существо. И вы знаете: что бы вы ни говорили, вы делаете точно противоположное. Вы думаете одно, говорите другое, а делаете что-то третье. Вас трое, вы не едины.

И все эти трое направляются в разные стороны. Вы – это толпа, отсюда – страдание.

Животное едино – отсюда блаженство животного. У животного нет ничего, что могло бы дать счастье. У него нет большого дворца, у него нет телевизора, радио и всего прочего. У него нет ничего, и все же вы обнаружите величайший покой, тишину, радость, празднование. Почему? По одной причине: животное не выбирает.

Суфий не выбирает. Выбирайте, и тогда вы обманываете, выбирайте, и тогда вы начинаете фальшивить, выбирайте, и тогда вы становитесь пластмассовыми.

Один человек собирался прийти на праздник Хэллоуин, переодевшись в дьявола. В пути его застал дождь, и он забежал в церковь, где в это время проходило религиозное бдение. При виде его костюма дьявола люди бросились врассыпную через двери и окна.

Одна дама зацепилась рукавом за ручку кресла, а когда этот мужчина приблизился к ней, взмолилась: «Сатана, я состою членом этой церкви двадцать лет, но на самом деле все это время я была на твоей стороне».

Все дамы и господа пребывают в подобной ситуации – они признают Бога только на словах, но, по сути, они сдались дьяволу. Дьявол находится глубже, потому что дьявол был подавлен. Когда что-то подавляется, оно прячется глубже в вашем существе, и вы становитесь лицемером.

Объявляя своим символом животное, суфии заявляют:

«Мы простые люди. Мы не знаем, что хорошо и что плохо. Мы знаем только Бога, и что бы ни происходило – это его дар. Мы принимаем его. Мы ничего не делаем сами». Таково первое значение слова «суфий».

Есть другое толкование: слово суфий может быть образовано от слова «суфа» – «чистота», «чистоплотность», «очищение». Это тоже хорошо. Когда в вашей жизни нет места выбору, возникает природная чистота. Но запомните: эта чистота никак не связана с моралью. Она не означает чистоту в смысле чего-то хорошего. «Чистый» означает очищенный от идей, как от хороших, так и от плохих. Чистота означает трансценденцию. У человека нет никаких представлений, никаких предубеждений. Он доверяет жизни так безгранично, что ему не нужны никакие идеи, он может жить без представлений. Когда в уме присутствуют убеждения, они создают нечистоты, они создают раны. Когда вы слишком наполнены идеями, в вас слишком много грязи. Все идеи грязны. Да, даже идея Бога – это грязная идея, потому что идеи грязны.

Для суфия Бог это не идея, это проживаемая им реальность. Он не восседает на троне где-то высоко в небесах, нет – он здесь и сейчас, он повсюду, он везде. Бог – это лишь имя целостного существования.

Чистота означает ум без содержания – поэтому, пожалуйста, пусть вас не сбивает с толку слово «чистота». Она не подразумевает человека с хорошим характером. Она не подра-

зумеваает человека, который следует десяти заповедям. Она не подразумевает человека, которого уважают в обществе за его добродетель.

Суфиев никогда не уважали в обществе. Суфий живет такой мятежной жизнью, что общество почти всегда убивало суфиев, распинало их – потому что суфий заставляет вас осознать вашу фальшивость. Он становится непрекращающейся проповедью против вашей искусственности, против вашего уродства, против вашей внутренней бесчеловечности по отношению к людям, против ваших масок, против всего, чем вы являетесь, представляете собой. Суфий становится постоянной головной болью для так называемого общества и так называемых уважаемых людей.

Я слышал...

Однажды, когда Абу Язид, суфийский мистик, молился, Бог заговорил с ним: «Язид, теперь ты стал одним из избранных мною людей. Должен ли я объявить об этом миру?»

Абу Язид засмеялся. Он сказал: «Да, можно, если ты хочешь, чтобы меня распяли, объяви об этом. Ты рассказал об ал-Халладже, и что произошло? Его распяли. Каждый раз, когда ты объявляешь, что кто-то стал избранным, люди тотчас же его распинают. Они не любят тебя и терпеть не могут твоих людей, поэтому, если ты хочешь, чтобы меня распяли, объяви об этом».

Говорят, что Бог никогда не говорил об Абу Язиде. Он сохранял молчание.

Был еще такой случай.

Кто-то спросил Мансура ал-Халладжа, величайшего мистика всех времен: «Каков предельный опыт суфия?»

Он ответил: «Завтра, завтра ты все увидишь».

Никто не знал, что произойдет на следующий день. Тот человек спросил: «Почему не сегодня?»

Ал-Халладж ответил: «Просто подожди. Завтра это случится».

На следующий день его распяли. В момент распятия он громко крикнул своему другу, задавшему вопрос: «Где ты там прячешься в толпе? Подойди же, и ты увидишь предельное в суфизме. Вот оно».

Если вы начинаете жить в Боге, вы становитесь невыносимыми для так называемого общества. Общество живет в лицемерии, оно не выносит истины. Истина должна быть распята. Общество может любить церковь, но не может любить Иисуса. Оно может любить ватиканского Папу, но не может любить Иисуса. Когда Иисус уходит – хорошо, теперь вы можете поклоняться ему. Когда Мансура больше нет, вы можете говорить о нем. Но когда он здесь, он – огонь. Только те, кто готов быть поглощенными огнем, будут готовы полюбить Мансура.

«Суфа» означает чистоту, чистоту в том смысле, что в уме больше ничего не содержится. Ум исчез. Нет ума, нет раздумий, нет мыслей. Это состояние *сатори*, *самадхи*.

Есть другое толкование, и оно тоже прекрасно. Я прини-

маю все эти толкования. Третье толкование – от другого слова, от слова *суфиа*, которое означает «избранный быть другом Богу».

Суфии говорят, что вы не можете искать Бога прежде, чем он выберет вас. Как вы можете искать Бога, если он еще не начал искать вас? Вся инициатива принадлежит Богу. Он ищет вас, он желает вас, он продолжает искать вас на ощупь: «Где ты?» Когда он выбирает кого-то, только тогда вы можете выбирать его. Поначалу вы об этом и не знаете, потому что, когда он еще выбирает, как вы можете знать?

То же верно и в отношении мастера. Вы думаете, это вы выбираете мастера? Чепуха, полная чепуха! Всегда мастер выбирает вас. Сама идея того, что вы выбираете мастера, эгоистична. Как вы можете выбрать мастера? Прежде всего, как вы узнаете, кто мастер? Как вы решите? Какие у вас есть критерии? Вы не можете выбрать мастера, только мастер выбирает вас.

Вы приехали ко мне из далеких стран, еще больше людей едут, они в пути. Скоро это место будет по-настоящему людным, потому что я выбрал многих, которые этого еще даже не заметили. Но они начали двигаться. Они думают, что ищут мастера, думают, что они – ищущие. И это естественно. Это можно простить. Но это они были мною выбраны.

Сначала выбирает Бог, затем вы жаждете его. И только суфии говорили об этом. Ни одна другая традиция не говорила так ясно, что человек не может выбрать Бога, это Бог выби-

рает человека. Это благословение. Даже испытывать жажду Бога – это великое благословение. Вы должны ощущать счастье от того, что вас выбрали, что Бог уже позвал вас. Первый звонок всегда слышен в глубоком бессознательном, поэтому вы не можете сообразить, что это, откуда он идет. Вы чувствуете, будто что-то исходит от вас. Но это исходит не от вас.

Человек не может взять на себя инициативу. Как человек может взять на себя инициативу? Человек настолько бессилен, человек настолько беспомощен. Человек не может начать путешествие самостоятельно до тех пор, пока его не потянут, пока какая-то магнетическая сила не начнет тянуть его к некой неведомой цели.

Вы можете выбирать только то, что вы знаете. Как вы можете выбрать Бога? Вы можете брать на себя инициативу в других вещах, мирских вещах, потому что они вам знакомы. Вы можете иметь представление о том, как приобрести красивый дом, или заполучить эту женщину себе в жены, или этого мужчину – в мужья, или как заработать больше денег, больше власти, больше престижа – вы можете выбирать все эти вещи. Но как вы можете выбрать Бога? У вас не было даже проблеска знания о нем, даже во сне. Как вы можете выбирать что-то, настолько вам незнакомое?

Но вы не знакомы Богу. Он может выбрать вас. Когда он выбирает вас, в вас пробуждается огромное желание найти его. Это указание на то, что он выбрал вас. Вы стали суфием

– избранным другом Бога. Это тоже прекрасно.

Четвертое толкование – от греческого слова *софия*. «София» означает мудрость. Мудрость – это не то же самое, что знание, знание получают из писаний, от других людей, заимствуют. Мудрость просыпается в вашем собственном существовании, вы – свет для самих себя. Мудрость означает то, что вы знаете, а не то, во что вы верите. Знание – это вера. Кто-то говорит: «Бог есть», и вы верите. Вы верите человеку, поэтому вы верите, что он, должно быть, говорит истину. Иисус говорит: «Бог есть», и вы верите; я говорю: «Бог есть», и вы верите – вот что такое знание. Вы любите меня, вы доверяете мне, вы начинаете верить, но это – знание.

Человек становится суфием, только когда он познал. Когда он познал сам, когда он сам прикоснулся к реальности, когда он сам видел лик Бога, тогда он становится суфием. Он стал мудрым. Он больше уже не просто владеет знаниями, теперь это – его собственный опыт.

Современное слово «философия» происходит от того же самого корня, «софия», но оно свернуло с пути. Слово «суфий» происходит от того же корня, что и «софия», но оно не сбилось с пути. Философия превратилась просто в домыслы – размышления, размышления, размышления, никогда не приходящие ни к какому заключению. А если вы не приходите ни к какому заключению, ваша жизнь не меняется. Просто думая, никто не меняется, только когда вы приходите к каким-то выводам, которые пережили на собственном опы-

те, вы совершенствуетесь. Философия – это игра со словами и логикой – прекрасная игра. Если вам нравится, вы можете в нее играть – но вы остаетесь прежними. Она ничего в вас не меняет.

Поэтому науке пришлось подать на развод с философией. В тот день, когда наука получила развод с философией, она начала расти. Она стала экспериментальной, она стала объективной. Наука больше не зависит от размышлений, она зависит от экспериментирования. Это одна из возможностей развестись с философией.

Другая возможность получить развод – суфизм. Наука движется по направлению к объекту и становится экспериментированием, суфизм движется к субъекту и становится переживанием. Но их волнует реальность: науку – та реальность, что находится вовне, а суфизм – та реальность, что находится внутри. И наука, и суфизм развелись с философией.

Наука полагается на эксперименты, потому что с объектом возможен эксперимент, суфизм полагается на переживание, потому что внутреннее сознание можно только испытать, с ним невозможно экспериментировать. Это не объект, это ваша субъективность.

И последнее толкование – от *айн соф*, который на иврите означает абсолютно бесконечный, поиск абсолютно бесконечного, поиск за пределами относительного, поиск неограниченного, вечного, вневременного.

Да, это в точности то, чем является суфизм. Суфизм есть

все это и больше этого. Чтобы обратить ваше внимание на это «больше», я повторю определение из персидского словаря: «Суфий кхист – суфий, суфист. Кто такой суфий? Суфий – это суфий». Ничего большего об этом сказать нельзя. Но вы можете войти в храм суфизма и ощутить его вкус.

Прежде чем мы познакомимся с маленькой историей, будет полезным понять еще кое-что. Это станет фоном, основой.

Коран говорит, что есть три базовых качества, которые должны присутствовать в сердце ищущего. Первое – *кхушу*. Кхушу означает скромность, смирение. Второе – *карамат*. Карамат означает милосердие, способность делиться, радость отдавания. И третье – *сижд*. Сижд означает истинность, подлинность, не притворяться, но быть тем, кем бы ты ни был. Это – три столпа суфизма.

Скромность не означает обычное так называемое смирение. У обычного смиренного человека не отсутствует эго. Он несет в себе новый вид эго – быть смиренным. Он думает, что он смиренный: «Нет никого, кто был бы так же скромнее, как я, я превзошел всех в скромности». Но он продолжает сравнивать. Эго не изменилось, эго лишь приняло новый образ, стало более хитрым.

Сначала эго очень явно бросается в глаза. Когда вы все время хвастаетесь своими деньгами, оно очень заметно. Однажды вы отрекаетесь от своих денег, и тогда вы начинаетесь хвастаться тем, что отrekliсь от них. Это уже сложнее уло-

вить, но хвастовство продолжается. Сначала вы говорите: «Я есть такой-то». Тысячей и одним способом вы пытаетесь доказать, что вы кем-то являетесь. Потом однажды, видя всю бесплодность этого, вы отбрасываете всю эту игру, принимаете новую позу – встаете на голову и начинаете говорить: «Я есть никто». Но «я есть» остается. Раньше заявление касалось кого-то, теперь оно касается никого. Но заявление было и по-прежнему осталось. Только теперь оно приняло очень трудноуловимую форму.

Скромность, *кхушу*, означает человека, который понял все уловки эго. И с пониманием всех уловок эго исчезло. Нет притязаний даже на то, чтобы быть скромным. С исчезновением притязаний приходит настоящая скромность, то есть *кхушу*.

Это – одно из самых основных качеств для тех, кто хочет двигаться к Богу, – потому что, если *вас* слишком много, вы не будете двигаться. Вы должны быть текучими, вы должны растаять, вы не можете оставаться замороженными в своем эго. Только когда вы растаете, вы начнете двигаться. А когда вы начнете двигаться, куда еще вы сможете двигаться? Все дороги ведут к Богу. Только те, кто стали черствыми, не движутся к Богу – в остальных случаях, если вы движетесь, вы движетесь к Богу. Другого движения не существует.

Второе – милосердие, *карамат*. Милосердие не означает, что вы отдаете и чувствуете себя очень хорошо от того, что отдали, что вы отдаете и делаете того, кому вы даете, обя-

занным вам. Тогда это не *карама*, тогда это не милосердие. Милосердие – это когда вы отдаете и чувствуете себя обязанными, потому что другой принял это, когда вы отдаете без мысли о том, что вы как-то обязываете кого-то, когда вы отдаете, потому что у вас этого слишком много – что еще вам остается делать? Это происходит не от того, что другой находится в нужде.

Милосердие – это когда вы отдаете от избытка, когда вы отдаете от изобилия. Не потому что другой нуждается, и вы помогаете другому, это никак не связано с другим. Вы отдаете, потому что имеете – что еще вам остается делать? Цветок распускается, аромат разносится ветрами – что еще может делать цветок? Лампу зажгли, и она делится своим светом, распространяет его вокруг. Облако наполнилось водой и проливается – что еще ему остается делать?

Когда вы что-то делаете от изобилия, только тогда это – милосердие. И тогда вас не беспокоит, кто достоин принять, – это вообще не имеет никакого значения.

Должно быть, вы читали прекрасную притчу об Иисусе. Иисус ни с кем не сравнится в том, что касается притч.

Один человек, богатый человек, позвал нескольких работников для работы в своем саду. К наступлению дня стало ясно, что их было недостаточно, что к вечеру работа не будет завершена, поэтому позвали еще нескольких работников. Но к наступлению вечера стало ясно, что и этих было недостаточно, поэтому позвали еще работников.

На закате богач заплатил им денег за все, что они сделали. Но он заплатил им всем одинаково: те, кто пришел утром, получили столько же, сколько те, что пришли днем, и те, что пришли прямо перед заходом солнца.

Естественно, те работники, которые пришли утром, разозлились. Они начали возмущаться и сказали: «Это несправедливо. Мы пришли утром, мы работали целый день и получили то же вознаграждение. А те люди, которые только что пришли, ничего почти не сделали и получили столько же. Это несправедливо».

Мастер засмеялся и сказал: «Того, что вы получили, разве недостаточно за ту работу, что вы сделали?»

Они ответили: «Этого достаточно. Но как же те, кто ничего не делал, но получил столько же?»

Мастер ответил: «Я дал им от своего изобилия. Разве я не могу отдавать свои деньги? Это мои деньги. Вы получили сполна, вы получили за все, что сделали. Разве я не могу разбрасывать свои деньги? К чему ваше возмущение? Отчего ваше беспокойство?»

И Иисус сказал: «Этот человек – человек милосердия. Он дает от изобилия». Это то, что суфии называют *карама*.

Третье – *истинность*. Это не означает говорить правду, это означает быть истиной. Говорить – лишь половина пути, быть истиной – это подлинное. Вы можете сказать правду несколько раз, когда это вам не вредит, – так все время делают люди. Когда истина не причиняет им вреда, они ста-

новятся правдивыми. Иногда, если истина может принести вред другим, они даже упорствуют в том, чтобы быть очень, очень искренними. Но когда в истине для вас нет никакой пользы, тогда вы просто отбрасываете ее, тогда она не имеет значения.

Поэтому люди говорят: «Честность – лучшая политика». Но тот, кто говорит, что честность – это лучшая политика, – нечестный человек, запомните. Политика? Само это слово содержит ложь. Истина не может быть политикой, честность не может быть политикой. Они могут быть только самим вашим сердцем – не политикой. Политикой можно воспользоваться и отбросить. Политика политична. Когда политика приносит результат, вы честны – вот что это значит. «Честность – лучшая политика». Когда она не приносит результата, вы становитесь нечестными. У вас нет отношений с честностью. Вы пользуетесь ею. Вот что имеется в виду, когда вы говорите «политика».

Суфийское слово сижд означает быть истинным, быть правдивым. Это не только вопрос политики. Что бы ни происходило, каков бы ни был результат, совсем не думая о результате, просто быть, какой бы ни была истина, рисковать всем ради истины – вот что значит сижд. Это означает рисковать всем ради истины – потому что, если удастся сберечь истину, сохранится все, если же истина утрачена, то все утрачено.

А теперь эта маленькая история.

Увайса спросили: «Как вы себя чувствуете?»

Увайс – это суфийский мастер.

Он ответил: «Как тот, кто поднялся утром и не знает, будет ли он жив вечером».

Тот, кто спрашивал, возразил: «Но все люди находятся в такой ситуации».

Увайс ответил: «Да, но сколько из них чувствуют это?»

Теперь необходимо понять несколько вещей. Прежде всего, Увайс сказал: «Как тот, кто поднялся утром и не знает, будет ли он жив вечером», – этим он говорит о многом. Это утверждение наполнено смыслом. Вам придется глубоко погрузиться в него.

Во-первых, он говорит, что суфий живет от момента к моменту, он не беспокоится о том, что произойдет в следующий момент. У него нет планов относительно следующего момента. У суфия нет будущего. Этот момент – все. Он живет в нем, он полноценно живет в нем, потому что больше идти некуда.

Вы не можете полноценно жить в настоящем моменте, если у вас есть будущее, – часть вашего существа, естественно, будет устремлена в будущее. Если у вас есть прошлое, вы не можете жить только в настоящем, часть вашего ума будет устремлена в прошлое. В вас появится раздробленность. Основная часть вашего существа зависнет где-то в прошлом,

а оставшаяся часть уже переместится куда-то в будущее. В настоящем ничего не останется. А настоящее так мало, так трудноуловимо, что его можно очень легко упустить. Люди постоянно упускают его. У людей есть прошлое и есть будущее, но у людей нет никакого настоящего.

Суфий живет в настоящем. Чтобы жить в настоящем, прежде всего нужно вытащить себя из прошлого, вытащить себя из будущего. Тогда происходит концентрация энергий, тогда это маленькое мгновение становится сияющим, вы вливаете в него полностью всю свою энергию – тогда приходят радость и благословение. Если вы несчастны, то только потому, что живете в прошлом или в будущем. Несчастный человек имеет прошлое и будущее, человек, живущий в блаженстве, имеет только момент, этот момент. Он живет в сейчас.

Эшли Монтегю изобрел новое слово – оно очень, очень поможет в понимании. Он говорит, что эта новизна, это постоянное пребывание в моменте в новом качестве, это постоянное отбрасывание прошлого и неперескакивание в будущее – великое искусство. Он называет это искусство «неотения». «Нео» означает новый, «тения» означает растянутый, расширенный.

Человек может всю жизнь проживать в новизне, человек может всю жизнь жить как ребенок, человек может распространить качество ребенка – искусство жить в моменте – на всю свою жизнь. Тот, кто живет в моменте, никогда не стареет.

ет. Он становится зрелым, но никогда не становится старым. Он по-настоящему растет. Становиться старым, взрослеть не означает расти. Стареть – значит лишь медленно умирать, стареть – значит лишь совершать медленное самоубийство. Человек, живущий в моменте, никогда не становится старым в том смысле, в котором люди становятся старыми. Он никогда не становится знающим, он всегда бесхитроsten, любопытен, восторжен, полон удивления. Каждый момент приносит новый сюрприз. Он готов исследовать новые измерения жизни. Он все время ищет приключений. Он – исследователь. Он никогда не пресыщается жизнью. Ему никогда не бывает скучно.

Священник в церкви объявил, что после службы состоится встреча церковного совета. Все ушли. Остались только члены совета. Но был еще один незнакомец, который сидел прямо в первом ряду.

Священник слегка смутился. Он сказал: «Сэр, вы не поняли? Я сказал, что будет встреча совета».

Незнакомец ответил: «Да. И кому же тут более скучно, чем мне? Ну-ка расскажите».

(Игра слов: *meeting of the board* – «встреча совета», произносится так же, как *meeting of the bored* – «встреча тех, кому скучно».)

Посмотрите на людей. Посмотрите людям в глаза. В них нет блеска удивления. Посмотрите на их лица, их лица говорят, что больше ничто не случится. Им скучно, невыноси-

мо скучно. Если они не кончают жизнь самоубийством, так только из-за своей трусости. В противном случае, жить незачем, нет смысла, нет ничего значимого. Кажется, что нет никакой радости. Просто пойдите на любую улицу, встаньте в стороне и посмотрите на людей. Буквально каждый кажется покрытым толстым слоем пыли.

Почему люди продолжают жить? Потому что боятся совершить самоубийство. Однако и в жизни они не чувствуют радости. Им настолько скучно, что даже смерть не способна изменить что-либо. Им так скучно, потому что ничто никогда не случается. А в чем причина? Причина в том, что они обременены грузом прошлого.

Суфизм говорит: не будь обременен прошлым и не будь обременен будущим. Этот момент так драгоценен, зачем тратить его впустую, думая о том, чего уже нет или чего еще нет?

Позвольте моменту сейчас быть моментом великой радости, и эта радость станет молитвой, эта радость станет *зикром*, эта радость станет воспоминанием Бога. Бесполезно просто повторять «Аллах, Аллах, Аллах»; бесполезно просто повторять «Рама, Рама, Рама». Когда вы исполнены радости, тогда вы вспоминаете Аллаха в глубочайшем центре вашего существа. Суть не в том, что вы повторяете его имя словесно; все ваше существование говорит «Аллах», каждая ваша клеточка, каждая фибра вашего существа говорит «Аллах». Не потому, что вы повторяете его, это не в словах, это эк-

зистенциально. Это существует, это существует неизменно. Это становится вашим внутренним климатом. Вы начинаете жить в этой атмосфере, в этой радости.

Поэтому первое, что говорит Увайс: «Это то, что я чувствую. Я живу от момента к моменту, без каких-либо планов на будущее. Я не знаю, что случится сегодня вечером – может быть, смерть». Под смертью он просто подразумевает, что возможно все, даже смерть возможна. «Я живу в удивлении, я живу с ощущением чуда, я живу с ощущением таинственного. И величайшая тайна – это смерть».

Есть только две тайны – жизнь и смерть. И величайшая из них, конечно, смерть – потому что жизнь довольно растянута, а смерть очень концентрирована. Жизнь происходит на протяжении семидесяти, восьмидесяти, ста лет. Поэтому она растянута. Смерть же случается в один момент, она очень концентрирована. Смерть – это кульминация, взрыв. Смерть – величайший оргазм из всех возможных. Из-за этого, кстати, люди также боятся и оргазма, потому что они боятся смерти. Многие люди не испытывают оргазма. Или даже если испытывают, то этот оргазм локализован, он не очень оргазмичен – из-за страха. Оргазмические моменты – это моменты смерти. И в смерти случается предельный оргазм. В этот момент вы полностью исчезаете, вас поглощает ничто. Это – величайшее переживание.

Увайс говорит: «Я не знаю, что произойдет, – возможно, смерть». Смерть – это дверь к Богу. Те, кто знает, как уми-

рать, знают, как входить в Бога. Те, кто цепляется за жизнь, никогда не знают, что такое Бог, потому что они не допускают смерти. А смерть приходит каждый день, с каждым мгновением что-то умирает. Если вам тридцать лет, на протяжении тридцати лет вы непрерывно умирали. Если вы собираете эти моменты за тридцать лет, эти мертвые моменты, которые вы уже прожили, если вы тащите их за собой, тогда вы обременены. Тогда вы стареете. Когда вы несете такой груз – как вы можете танцевать? Этот груз не позволит вам танцевать.

Но если вы научитесь отбрасывать этот груз каждый день, вы станете свежими, невинными, вы станете детьми, вы познаете, что смерть тоже происходит каждый день – жизнь и смерть идут рука об руку. И если однажды придет окончательная смерть, человек принимает ее, приветствует ее, празднует ее, исчезает в ней, танцуя. То, как вы будете вести себя в момент смерти, покажет, как вы жили. Момент вашей смерти станет свидетельством.

Увайс говорит: «Я всегда смотрю смерти в лицо и жду ее. Я трепещу от возможности смерти». Но смотреть смерти в лицо означает жить храбро. Люди избегают смерти, они избегают даже самой мысли о ней. Они думают, что кто-то другой умирает, но они-то не умрут.

Если вы живете в такой невинности, значит, вы живете в невежестве. Невежество – важное религиозное качество. Знающий человек не может стать религиозным, но невеже-

ственный человек может легко стать религиозным.

Увайс говорит:

«Как тот, кто поднялся утром и не знает, будет ли он жив вечером».

Ничто не определено, ничто не предсказуемо; все остается открытым. Для суфия возможно все. Ничто не является полностью определенным, все возможно – вот что значит открытость, открытый ум.

Тот, кто спрашивал, возразил: «Но все люди находятся в такой ситуации».

Всем предстоит умереть, и никто не знает, когда это случится. Второй человек не понял утверждения Увайса. Мы понимаем только на своем уровне.

Увайс ответил: «Да, но сколько из них чувствуют это?»

Они умрут. Каждый момент неизвестное пронизывает жизнь – это и есть смерть. Но они не чувствуют этого. Они этого не осознают. Люди живут в некоем подобии сна, в состоянии какой-то дремоты. Люди – практически лунатики.

Пассажир в такси был более чем навеселе. Взглянув на свои часы, он увидел, что на них ровно семь часов. Почти сразу после этого он увидел часы в лавке ювелира, которые показывали шесть пятьдесят пять.

– Эй, который час? – поинтересовался он у водителя так-

си.

– Шесть пятьдесят, – ответил таксист.

– Стой! Разворачивайся, – потребовал он, – кажется, мы едем в обратном направлении!

Люди практически спят, у них нет даже проблеска осознанности.

Однажды случилось...

За пять лет это была его первая роль, которую ему удалось заполучить в пьесе. Правда это была лишь маленькая роль, немногословная, но ведь это было началом. Главный герой должен был выйти на сцену и сказать: «Ты видел, как убили этого человека?» Его роль заключалась в том, чтобы просто посмотреть главному герою прямо в глаза и ответить: «Да».

Четыре недели он репетировал это слово: «Да, да, да», изучая ораторское искусство, отрабатывая мимику и интонацию. И вот настал этот великий день. Главный герой появился на сцене, взглянул на лежащее на полу тело, посмотрел на актера и спросил: «Ты видел, как убили этого человека?»

Глядя прямо в глаза главному герою, он четко произнес: «Кто, я?»

Люди совершенно не бдительны. Они находятся в состоянии сна. Какая-то тупость, туман окутывает ваше существо. Вокруг вас сильный туман, и вы в замешательстве. Очень редко вы становитесь действительно бдительными, очень, очень редко. Эти моменты так редки. Гурджиев говорил, что если такие моменты случались в жизни человека семь раз,

то это больше, чем можно ожидать. Очень редко.

В ситуации большой опасности иногда вы становитесь бдительными. Например, кто-то подходит, чтобы убить вас, и приставляет к вашей груди револьвер – тогда на одно мгновение туман рассеивается. Смерть дышит в лицо. Или, если вы ведете машину на скорости девяноста, ста миль в час, и вдруг внезапно на повороте вы видите, что теперь все конечно, на какое-то мгновение авария кажется неизбежной, абсолютно неизбежной – тогда туман рассеивается. Отсюда и тяга к опасности: потому что только в опасности вы все-таки иногда чувствуете, что вы есть. Отсюда привлекательность войны: когда люди идут на войну и играют со смертью, иногда им удается почувствовать редкие моменты пробуждения. Но в других ситуациях, в обычной комфортной, удобной жизни люди не перестают храпеть.

Путешественник спросил у пьяницы, как пройти на почту. Пьяница был старожилом города.

«Так, пройдите два квартала и поверните направо... Нет, вам нужно пройти два квартала и повернуть налево... Нет, это тоже неверно, пройдите вверх по этой улице один квартал, поверните направо и пройдите один квартал... По правде говоря, мистер, я не думаю, что вы вообще сможете добраться отсюда до почты».

Люди живут в подобном тумане. И не только тогда, когда вы выпиваете, вас окружает туман – в любой момент вы употребляете тысячу и одну разновидность алкоголя. Кто-то

сходит с ума из-за денег, тогда деньги – это его алкоголь. Кто-то помешан на власти – тогда он пьет власть и становится пьяницей. Есть разные виды сумасшедших людей. Но у каждого есть свой особый вид алкоголя, который опьяняет его.

Видели ли вы глаза скупца, когда он смотрит на свои деньги? Он смотрит на деньги как на свою возлюбленную. Он прикасается к деньгам с такой нежностью. Он трогает сто- рупиевую банкноту с такой любовью и заботой. Когда есть деньги, он забывает весь мир.

Понаблюдайте за политиком – он помешан на власти. Он опьянен. Ему не нужно принимать никакие алкогольные напитки, ему не нужно принимать никакие наркотики, он уже находится в состоянии наркотического опьянения от власти. Он может даже выступать против алкоголя и против наркоти- ков, он может пытаться установить в стране запрет, но сам он пьян. И, конечно, алкоголь, произведенный властью, бо- лее опасен, чем любой алкоголь, произведенный из винограда. Эти маньяки власти – по-настоящему опасные люди в ми- ре.

Но все пьяны. Они пьют разные виды напитков, но они пьяны. Суфий – это тот, кто не пьян, вот что имеет в ви- ду Увайс, когда говорит: *«Да, но сколько из них чувствуют это?»*

Запомните, есть отличие. Если бы тот же самый вопрос был задан Бодхидхарме или Риндзаю, они бы ответили: *«Сколько из них осознают это?»* Увайс говорит: *«Сколько*

из них чувствуют это?» Таково различие между двумя основными путями – путем осознанности, медитации и путем любви, чувств.

Суфизм – это путь любви, чувств. Если бы спросили Бодхидхарму, он, должно быть, ответил бы: «Сколько осознают это?» Он бы использовал слово «осознавать», не «чувствовать». Ни один мастер дзен не использовал бы слово «чувствовать» – таково базовое различие, в остальном отличий нет.

Суфизм – пробужденность сердца, пробуждение чувств. Коран говорит: «Не глаза слепы, но сердца». Под сердцем подразумевается тот дар, который воспринимает трансцендентальное, возлюбленного. Суфии известны как те, которые имеют сердца. Ал-Халладж Мансур говорит: «Я видел моего Бога глазом сердца. Я спросил его: „Кто ты?“ – и он ответил: „Ты“».

Глаз сердца... Помните: суфизм – это путь любви. Он более танцующий, чем дзен, он более поющий, чем дзен, он более празднующий, чем дзен. Вот почему страны, где развивался суфизм, создали лучшую и самую прекрасную поэзию, которая когда-либо существовала в мире. Персидский язык стал таким поэтичным, он создал величайших поэтов мира. Сам язык стал поэтичным, сам язык стал очень сочным – потому что о Боге думают как о возлюбленной.

Это тоже необходимо понять – последнее на сегодня. Для последователей дзен нет Бога, ваша собственная осознан-

ность – это высшее. Дзен появился в озарении Гаутамы Будды. Суфизм появился из любовного романа между Мухаммедом и Богом.

Однажды случилось...

Шел шестьсот десятый год нашей эры. Мухаммед был в пещере на горе Хира. Он получил первый духовный опыт и боялся, что стал либо сумасшедшим, либо, как он выразился, поэтом. Он пошел к своей жене, дрожа от страха, и сказал: «Горе мне. Поэт или одержимый?» Он даже подумал о том, чтобы сброситься с высокой скалы, чтобы убить себя. Это было таким шоком, это было таким великим напряжением любви. Три дня он дрожал, не переставая, как будто у него была сильная, опасная лихорадка.

Страх заключался в том, что он думал, что либо стал поэтом, либо сошел с ума. Из этого переживания Мухаммеда берет начало река суфизма. Он все время оставался одновременно поэтичным и одержимым. Он был и тем, и другим. Он стал поэтом, и он стал одержимым. Он сошел с ума, и он стал мистиком.

Должно быть, вы слышали о прекрасной суфийской легенде о Лейли и Меджнуне. Это не обычная история любви. Имя «Меджнун» означает сумасшедший, помешанный на Боге. А «Лейли» – это символ Бога. Суфии думают о боге как о возлюбленной, «Лейли» значит возлюбленная. Каждый – Меджнун, а Бог – возлюбленная. Человек должен открыть свое сердце, глаза сердца...

Поэтому Увайс говорит: «*Да, но сколько из них чувствуют это?*» Люди стали совершенно бесчувственными, они совсем не чувствуют. Они пренебрегают своим сердцем. Они не действуют через сердце, только через голову. Они избегают и продолжают избегать сердца. Поэтому кажется, что в жизни нет благословения. Только через сердце распускаются цветы, только через сердце начинают петь птицы, только через сердце вы приходите к осознанию жизни не как сухой осознанности, но как празднования.

Суфизм – это великое празднование. Я приглашаю вас праздновать со мной.

Достаточно на сегодня.

Глава 2

Невидимые

Первый вопрос:

Ошо, суфизм появился как проявление бунта против официального ислама? Или он возник раньше ислама?

Он и то, и другое. Все, что живо, является и тем, и другим. Он очень древний и очень молодой – все вместе, одновременно.

Суфизм предшествует исламу, и в то же время он – уникальное, новое явление. Он – самая суть ислама, и в то же время он – восстание против официального ислама. Так происходит всегда. Дзен – это также и то, и другое – и самая суть буддизма, и восстание против организации.

Это необходимо понять. Всякий раз, когда появляется человек, подобный Будде или Мухаммеду, расцветает самое существенное. Но рано или поздно человеческий ум превращает это в организацию. Это естественно, потому что человеку нужно за что-то цепляться. Человеку нужна удобная псевдореальность, потому что подлинная реальность непредсказуемо меняет его. Реальное опасно. Человеку нужно что-то, что только выглядит реальным, но не является реальным. Ему нужна игрушка для забавы. Поэтому существу-

ет церковь, существует организация, она создает видимость, что происходит что-то настоящее. Она может доставлять вам удовольствие, вы можете наслаждаться игрой эго, оставаясь при этом прежними. Она не проникает в вас, совсем вас не меняет. Вы ничем не рискуете.

Если человек по-настоящему погрузится в молитву, он умрет. Он больше никогда не вернется прежним. Он вернется, но абсолютно другим человеком. Тот, кто ушел в молитву, никогда не вернется. Возникнет что-то новое, что-то, что никогда не существовало ранее, что-то, что разрывает связь с прошлым. Вы потеряете себя и только так обретете подлинного себя. Подлинная молитва опасна, она – смерть и воскрешение.

Поэтому человек очень хитер – он творит ложную молитву. Он превращает молитву в ритуал, он притворяется, что молится. Он только совершает жест, пустой жест – в нем нет его сердца. Он идет в мечеть, в храм, в церковь, он вроде бы молится. Но он знает, что обманывает, он знает, что его в этом нет. И тем не менее, это наделяет его некой респектабельностью. Люди думают, что он религиозный человек. Это наделяет его неким кредитом доверия. Это формальный жест, он делает гладкой его социальную жизнь, он создает некую смазку – но не меняет его.

Поэтому всякий раз, когда появляется Мухаммед или Будда, в мир приходит реальное. Но реальное сводит вас с ума, реальное убивает вас. Только очень редкие люди, храб-

рые люди могут встретиться лицом к лицу с реальным.

А как же трусы? Им тоже хотелось бы наслаждаться... по крайней мере, идеей того, что они видели Бога, по крайней мере, идеей того, что они тоже пребывали в молитве, по крайней мере, идеей того, что они тоже религиозны. Как же на счет этих трусов? Ведь они очень многочисленны, большая часть человечества состоит из трусов. Эти трусы рано или поздно создают фальшивую религию. Христос – реальная религия, христианство – фальшивая религия. Мухаммед – реален, мусульманство фальшиво. Когда этой фальшивой, организованной религии становится слишком много, снова и снова появляются люди – храбрые люди – которые отстаивают свою правоту, которые говорят, что все это неправильно. Поэтому такие люди выглядят как бунтари. В действительности, они отстаивают сам дух. Мансур отстаивал дух Мухаммеда, Омар Хайям отстаивал дух Мухаммеда, тысяча и один суфийский мистик снова и снова отстаивали дух Мухаммеда.

Но теперь вы видите, в чем заключается проблема. Каждый раз, когда кто-то отстаивает изначальный дух, он возрождает истинную религию – и ему приходится идти против организации, против фальшивой религии. Но фальшивая религия обладает большей властью – ведь за ней стоит массовое помешательство. Ее поддерживает массовый невроз. Она может убить, она может уничтожить. Она не может создавать, но может уничтожить Иисуса, Сократа, Мансура.

Это для нее очень легко.

Эти люди – как цветы: очень хрупкие, а массовый невроз – как камень. Если бросить камень в цветок, то с камнем ничего не случится, но цветок будет уничтожен. Более высокое всегда уничтожается всякий раз при столкновении с более низким, запомните это. Если столкнутся поэзия и проза, поэзия будет уничтожена, не проза. Если столкнутся Бог и мир, Бог исчезнет, не мир. Если столкнутся похоть и любовь, любовь будет отравлена, не похоть.

Когда появляется неизвестное, когда высшее приходит в этот мир, оно приходит как цветок.

Да, в этом много бунтарства. Много бунтарства потому, что это – самая суть. Суть всегда бунтует. Мухаммед был бунтарем – всю жизнь его преследовали враги. Много раз его пытались убить. Всю свою жизнь ему приходилось бороться – мистик был вынужден стать воином, мистика пришлось растрчивать свою жизнь на то, чтобы быть воином. Ему приходилось носить с собой меч. И вот противоречие, парадокс – на своем мече он написал слова: мир, любовь. Из-за безумных людей любовь была вынуждена носить меч. Из-за невроза мир был вынужден ходить с мечом.

Мухаммеду приходилось вести непрерывную войну, он боролся и боролся. Вся его жизнь была растрчена в борьбе. Он мог принести больше цветов из неизвестного, он мог принести в этот мир больше божественного, но у него не было такой возможности.

И однажды Мухаммеда превратили в организацию – рано или поздно враг одерживает победу... тот враг, который боролся против Мухаммеда, становится священником. Подумайте об этом! Священники боролись против Мухаммеда – священники старой организации. Мухаммед возвращает назад суть религии, вечное. Тогда священник, который принадлежал к старой организации, воюет с ним. Если Мухаммед побеждает, то священник тут же переходит на другую сторону. Священник всегда находится на стороне победителя, трус всегда на стороне победителя. Священник переходит на другую сторону. Он говорит: «Ты обратил меня к себе». Он переходит в лагерь Мухаммеда.

Но у него те же старые уловки, тот же старый ум. Он начинает играть в ту же игру. Может быть, пока Мухаммед жив, ему не удастся этого сделать, но как только Мухаммеда не станет, ему будет очень легко воссоздать свою старую организацию под новым именем Мухаммеда. Потом снова, когда другой суфийский мистик возвратит Бога, он станет другом Мухаммеда и врагом мусульман. Этот парадокс вечен.

Это и то, и другое, религия – всегда и то, и другое. Посмотрите на меня. Все, что я говорю, – есть суть религии. Это религия Будды, Христа, Моисея, Мухаммеда, но при этом все священники настроены против меня – все священники. Они могут не соглашаться в чем-то другом, но они соглашаются в одном – все они солидарны в своей враждебности по отношению ко мне. Мусульманский священник соглашается

с индуистским. Они больше ни в чем друг с другом не соглашались, но с тем, что я не прав, соглашались оба. Христианин соглашается с джайном. У них нет ничего общего, их верования ни капли не похожи, но в одном они солидарны: если им нужно будет осуждать меня, они все будут заодно.

Что бы я ни говорил вам, это является самой сутью всех их религий, но они противятся этому. Они притворяются, что поддерживают религию, они притворяются, что являются защитниками, но они – враги. Организация – враг религии. Но это происходит благодаря естественному ходу вещей, потому что человек глуп. Организации неизбежно возникают. Снова и снова. И снова и снова кто-то должен вставать на защиту религии и бунтовать.

Есть одна прекрасная притча...

Иисус возвращается в мир спустя восемнадцать столетий, чтобы проверить, как там идут дела. Он полон надежд. Он думает: «Теперь почти половина Земли – христиане, теперь меня примут с распростертыми объятиями. Когда я оказался на Земле впервые, люди были настроены враждебно по отношению ко мне, потому что не было христиан, некому было принимать меня. Были лишь иудеи, которые и убили меня».

Итак, он возвращается с большой надеждой. Он спускается в Вифлеем воскресным утром. Естественно, он выбирает воскресенье – христиане празднуют, они будут выходить из церкви и встретят его прямо напротив церкви.

Люди выходят, а он ждет с большой надеждой. Но люди

собираются вокруг него и начинают смеяться, они начинают высмеивать его. Они говорят: «Ты отлично играешь. Ты выглядишь совсем как Иисус».

Он отвечает: «Я и есть Иисус!»

Они смеются и говорят: «Иисус только один. Это святотатство – называть себя Иисусом. Ты похож на него, но как ты можешь быть им? Тебе лучше уйти отсюда, прежде чем выйдет священник. Если он тебя поймает, у тебя будут неприятности».

Но Иисус говорит: «Он – мой священник. Если вы меня не узнаете, это нормально – вы мирские люди. Но он – мой священник, постоянно читающий мои писания, думающий, размышляющий о том, что я сказал раньше, все время говорящий обо мне. Уж он меня узнает. Вот увидите!»

Они смеются и говорят: «Ты не прав. Уноси отсюда ноги, иначе у тебя будут неприятности».

И тут появляется священник: те люди, которые даже не поклонились Иисусу, прикасаются к стопам священника, с большим благоговением расступаются, чтобы позволить ему пройти. Священник входит в круг, смотрит на молодого человека и говорит: «Спустишься на землю! Следуй за мной, зайди в церковь. Ты что, сошел с ума? Что ты задумал?»

Иисус отвечает: «Вы меня не узнаете?»

Но священник заводит его в церковь, заключает в темную келью, запирает ее на замок и исчезает. Лишь в полночь он возвращается. Весь день Иисус размышляет: «Что будет? Я

снова буду распят своими же людьми, христианами? Это уж слишком». Он не может в это поверить.

Посреди ночи входит священник с маленькой лампадой в руке. Он падает к ногам Иисуса и говорит: «Я сразу узнал тебя. Но, пожалуйста, пойми: ты не нужен. Ты выполнил свою работу, и мы прекрасно справляемся дальше. Ты доставляешь так много беспокойства. Если ты снова явишь себя, то все расстроишь. Это было для нас тяжелым трудом. Мы боролись на протяжении многих веков, но постепенно все наладили. Половина человечества обращена в нашу веру, еще половина движется к этому. Просто подожди. Тебе не нужно приходить! Мастер, ты не нужен, нас, слуг, достаточно. Просто присылай сообщения».

Иисус говорит: «Я счастлив, что ты, по крайней мере, признал меня».

Священник отвечает: «Да, я могу признать тебя, когда мы одни, но я не могу признать тебя перед массами. А если ты будешь настойчиво создавать проблемы, мне жаль, но тогда мне придется распять тебя так же, как это сделали с тобой иудеи, – потому что священник должен заботиться об организации. Я – часть организации, иудейской ли, христианской ли – не важно. Я вынужден спасти церковь. Если между тобой и церковью возникнет какой-то конфликт, то я буду на стороне церкви – я служу церкви. И это правильно. Ты живешь на небесах, ты наслаждаешься жизнью там, а мы живем здесь. Все гармонично. В твоём втором пришествии нет ни-

какой необходимости, первого было достаточно».

Суть религии всегда будет противостоять организованной религии. Суфии – само сердце, но сердце неизбежно будет против ума, интеллекта. Священник живет головой, молитвенный человек живет сердцем. Они – две противоположности, даже их языки отличаются. Их языки настолько различны, что священник совсем не может понять язык сердца. Он может разворачивать теории, он обладает отличной подготовкой во всем, что касается догм. У него очень законопослушный ум, он очень хорошо осведомлен. Но если речь идет о сердце, то его сердце – это пустырь: ничто не растет, ничто не цветет, ничто не течет.

Голова не может понять сердце. Сердце может понять голову, потому что сердце глубже, чем голова. Человек сердца может понять человека головы, может испытывать к нему сострадание, но человек головы не может понять человека сердца. То, что ниже, не может понять то, что выше, но то, что выше, может понять то, что ниже. Человек, сидящий в долине, не может понять человека, сидящего на вершине горы. Но человек, сидящий на вершине горы, может понять того, кто живет в долине.

Поэтому люди сердца так полны сострадания. Они понимают. Они понимают, почему священники настроены против них; они понимают, почему большая часть человечества не способна их понять.

Позвольте мне рассказать вам еще одну историю.

Один человек во время прогулки увидел улитку, которая заблудилась в трещине на стене, и без какой-либо особой причины он сказал ей: «Привет, улитка».

По странному стечению обстоятельств улитка умела говорить, и она ответила: «Привет». При этом она стала вращать глазами на своих рожках, пытаясь увидеть, кто это ей встретился.

Человек удивился: «Ты слышишь меня?»

Улитка сказала: «Да, конечно. А ты вообще кто такой, что такое?»

«Ну, я человек».

«А что это?»

«Ну, мы чем-то похожи на вас. Например, у вас на рожках глаза, а у нас рожки с другой стороны».

«С другой стороны? И для чего же?»

И человек ответил: «Для того, чтобы очень быстро передвигаться».

«Ты меня по-настоящему удивляешь. А есть ли у вас еще какие-нибудь особенности?»

«Ну, ты знаешь, что у тебя на спине есть дом?»

«Да, да».

«Ну вот, а у нас такого нет. У нас много-много домов, и мы входим и выходим из них, можно сказать, когда захотим».

«Вы и вправду чрезвычайно удивительные существа. Есть ли у вас еще что-то необычное?»

«Ну, как сказать, мы – люди, а человек может взять что-

нибудь вроде листа – ты знаешь, что такое лист?»

«Да, да, я знаю».

«В общем, он может оставить следы на листе, передать лист другому человеку, который отдаст лист третьему человеку, который сможет по следам на листе понять, о чем думал первый человек».

«Ага! – воскликнула улитка. – Так ты один из этих?!»

Человек пожал плечами: «Что ты имеешь в виду?»

«Ты – лжец! – сказала улитка. – Проблема с вами, лжецами, в том, что вы говорите неправду, потом говорите еще большую неправду, а затем, в итоге, обманываете самих себя».

На разных планетах существуют разные языки. Суфий говорит на языке сердца, а священник говорит на языке головы. Священник говорит на языке знаний, а суфий говорит на языке любви. Они не встречаются, они не общаются. Общение невозможно. Священник слеп – он никогда не видел света, он только верит в него. Суфий видел свет, это больше не вопрос веры. Он это знает.

Попытайтесь понять этот парадокс. Люди, которые думают, что знают, не знают; хорошо осведомленные люди не знают, потому что не видят. А люди, которые любят и совсем не говорят о своем знании, знают, потому что они видят. Любовь открывает глаз сердца. А когда вы способны видеть, никакое верование не может вас удовлетворить. Тогда само ваше видение станет разрушительным для всевозможных ве-

рований.

Если вы видели, тогда вы не можете признать, не можете согласиться с глупыми представлениями о свете. Слепой человек может иметь только глупые идеи о свете. У него не может быть правильного представления. Как у него может быть правильное представление? У него нет глаз. Что бы он ни знал о свете, будет неверно. Он даже не видел темноту – что уж говорить о свете? Слепой человек не может видеть даже темноту.

Никогда не думайте, что слепые люди живут во тьме. Нет, это для них невозможно. Даже для того, чтобы видеть темноту, нужны глаза. Чтобы что-то видеть, нужны глаза. И нет никакого способа объяснить слепому, что такое свет. Вы не можете пользоваться даже темнотой, вы не можете сказать: «Свет – это противоположность темноты». Он даже не знает, что такое темнота. Это невозможно донести до слепого человека. Единственный способ – помочь ему увидеть, единственный способ – помочь ему открыть глаза. Например, если его глаза нуждаются в каком-то лечении, вы можете использовать лекарство. Будьте врачом для его глаз. Бесполезно продолжать давать ему объяснения, философские учения, писания. Они лишь сильнее его запутают, еще больше сбьют его с толку.

Суфий – бунтарь, потому что суфий видел. И, естественно, ему всегда будет трудно объяснить это людям. Вот почему суфии не верят в объяснения. Если вы приходите к су-

фию, он начинает давать вам методы, не учения. Вот почему их называют «люди пути». Они дают вам метод. Они говорят: «Работай с методом. Если метод проникнет глубже, изменит твое сердце, откроет твое существо, ты познаешь». Они не предложат вам ни одной догмы, ни единого принципа – у них их нет. У них есть только методология. Она очень научна. Они дают вам вкус. Это трудная, тяжелая работа.

Если вы приходите ко мне и спрашиваете: «Что есть истина?», я могу что-то ответить – и за какие-то минуты моя работа будет выполнена. Я сказал вам, вы узнали, все конечно. Ни я вам ничего по сути не сообщил, ни вы ничего не поняли, но в вас возникла мысль, что теперь вы знаете, и теперь вы будете ходить с этой мыслью.

Если вы по-настоящему заинтересованы, мне придется дать вам прием, а не догму. Мне придется дать вам медитацию, а не принцип; мне придется инициировать вас в вашу внутреннюю лабораторию; мне придется медленно, медленно погрузить вас в более глубокие воды вашего существа. Постепенно вы начнете чувствовать, видеть – вы станете более чувствительными, более бдительными, более осознанными, и что-то начнет проникать сквозь ваш толстый слой бессознательного. Несколько лучей осторожно осветят вашу «темную ночь души», и тогда вы познаете.

На работу суфия уходят годы. Суфии не проповедуют. Конечно, они учат, но они не проповедуют. И когда они учат, они обучают методам, а не принципам. Чтобы следовать ме-

тому, человек должен пребывать в настоящем поиске – потому что иногда на это уходит двенадцать лет, иногда двадцать лет, иногда вся жизнь. Иногда же требуется и несколько жизней.

Те люди, которые ищут мгновенного просветления, не могут найти контакта с суфием. Поэтому суфии все время прячутся. Они не заявляют о себе, но остаются невидимыми. Они доступны только для тех, кто по-настоящему ищет, кто находится в настоящем поиске.

Очень трудно найти суфийского мастера, хотя он может жить прямо в соседнем доме. Он может заниматься такими обычными вещами, что вы и не поверите. Он может быть ткачом, он может быть сапожником, он может управлять отелем или заниматься любой другой работой. Вы можете даже не подозревать, что суфийский мастер живет прямо за углом. Вы можете встречать его каждый день, и у вас не будет ни малейшего представления о том, что это за человек – если вы не ищущий. Если вы ищущий, тогда постепенно вас будет вести к нему. Фактически, если вы ищущий, он сам выберет вас. Он будет следить за вами. Он не позволит вам следить за ним, но сам будет следить за вами, он будет видеть. И если он почувствует, что рядом с ним ищущий, тогда постепенно он создаст для вас возможность увидеть его. Он может стать видимым, если захочет.

Есть знаменитая история.

Однажды известного суфия спросили: «Что значит быть

невидимым?»

Он сказал: «Я отвечу на этот вопрос, когда появится возможность показать это на примере».

Суфии верят в демонстрацию на примере, и они верят в возможности. Они не скажут ни единого слова, если не появилась возможность, если нет нужной ситуации. Вы можете задать мастеру вопрос, и он скажет: «Подожди, когда будет подходящая возможность, тогда я тебе покажу», – потому что он не верит в слова, он верит в наглядный пример.

Он сказал: «Я отвечу на этот вопрос, когда появится возможность показать это на примере».

Спустя какое-то время его и того, кто задавал ему вопрос, остановил отряд солдат. Солдаты сказали: «Нам приказано брать всех дервишей под стражу – так как правитель этой страны говорит, что они не хотят повиноваться его приказам, и что они говорят вещи, которые могут возмутить общественное мнение».

Суфий ответил: «Значит, вам следует так поступать, потому что вы должны выполнять свой долг».

«А разве вы не суфии?» – спросили солдаты.

«Устройте нам проверку», – ответил суфий.

Офицер достал суфийскую книгу... книгу, которую суфии чрезвычайно уважают. Она называется «Книга книг». В ней написано всего несколько предложений, в остальном она пуста.

«Что это?» – спросил суфийский мастер, как будто бы он

даже не узнал книгу. Солдаты принесли книгу, которая выдаст суфия: как только суфий увидит «Книгу книг», он должен склониться перед ней. Ведь это их святыня.

Суфийский мастер сказал: «Что это?» – как будто бы он не узнал книгу. Потом он посмотрел на обложку и сказал: «Я понял, это то, что я сожгу прямо перед вами, раз вы этого еще не сделали». Он поджег книгу, и солдаты, удовлетворенные, ушли прочь.

Спутник суфия спросил: «Зачем же вы так поступили?»
«Чтобы сделать нас невидимыми, – ответил суфий, – потому что для человека мира быть видимым значит выглядеть как тот, на кого ты должен походить согласно его ожиданиям. Если ты выглядишь иначе, твоя истинная природа становится для него невидимой».

Суфийский мастер продолжил: «Я стал невидимым для этих солдат, потому что они не могли поверить, что суфий может сжечь такую книгу. Они имеют определенные ожидания – что все суфии как один благоговеют перед этой книгой. В тот момент, когда я сжег книгу, мы перестали быть суфиями. Мы стали невидимыми».

Так суфии становятся невидимыми для людей. Вы не ожидаете того, что они сделают. Гурджиев обучался своим приемам становиться невидимым от суфийских мастеров. Гурджиев был суфийским мастером на Западе, одним из суфийских учителей, проникших в западное сознание. Он оставался невидимым для толпы, он обладал такими техниками пре-

вращения в невидимку, что в одну секунду он мог становиться-ся видимым и в одну секунду мог становиться невидимым. Иногда случалось так, что к нему на встречу приходили двое. Если ему хотелось, чтобы один видел его, а второй не видел, он становился видимым для одного и невидимым для другого. При этом они оба продолжали с ним разговаривать. Он так отточил свое мастерство, что одной стороной лица мог выражать одну эмоцию, а второй стороной – другую.

Например, если он не хотел, чтобы вы его видели, он принимал такой ужасный, такой жестокий вид, что вы не могли поверить, что суфийский или любой другой мастер может быть таким жестоким. Если же он хотел быть для вас видимым, он выглядел таким сострадательным, таким любящим. И он мог проделывать это одновременно для двоих человек. И один из них уходил, полностью убежденный в том, что «это – мастер», а второй уходил, думая: «Больше я никогда не пойду на встречу с этим человеком. Он похож на убийцу, быть с таким человеком опасно».

Суфии живут очень, очень скрытной жизнью, и этому есть причина – они хотят жить только истинной религией. Если вы хотите стать видимыми, вам приходится делать множество вещей. Например: я здесь, но для людей Пуны я невидим. Я сделал себя совершенно невидимым, даже для тех людей, который живут прямо по соседству. Для них я невидим. Они не видят. Для них видение невозможно. Я видим только для тех, кто ищет. Те, кто ищет, могут приезжать за тысячи

мил, а те, кто не ищет, могут жить рядом, оставаясь там, оставаясь уверенными в том, что я дурной человек.

Хорошо, что это так, потому что это помогает мне работать только над теми людьми, которым нужна работа. Энергии не растрачиваются впустую.

Суфиев не интересуют толпы. Ни один мастер никогда не был заинтересован в толпе. Мастеров интересуют только индивидуальности, и только те индивидуальности, которые находятся в настоящем поиске, подлинном поиске. Избегать ненужных людей – просто, так же просто – привлекать нужных людей, которым нужна помощь... при помощи нескольких вещей. Люди так нечувствительны – при помощи такой простой вещи вы можете стать невидимыми, потому что люди не смотрят вглубь, они смотрят только на поверхность.

Второй вопрос – в точности о том же, о чем я говорил с вами:

Ошо, почему суфии намеренно маскируются и прячутся?

...Потому что они хотят, чтобы их энергии использовались правильно, потому что они – творческие люди. Их не интересуют имя и слава, их не интересует ничто другое; они заинтересованы только в том, чтобы дать новую жизнь людям, жаждущим Бога, стремящимся к Богу. Почему они должны впустую тратить свои время и энергию?

В мире много разных типов людей. Некоторые просто лю-

бопытны, они приходят из любопытства, но лишь напрасно тратят время. Затем есть те, кто приходит с вопросами. Они лучше, чем любопытные люди, есть вероятность, что они могут чего-то достичь, но это только вероятность. И есть третий тип – настоящий ищущий, который готов поставить на карту свою жизнь, который готов ради этого на жертву, который готов заплатить за это.

Суфий будет работать с третьим человеком, он останется доступным и для второго типа людей, но станет абсолютно невидимым для первого типа людей – любопытных.

Суфий очень экономно подходит к своей энергии. Он знает, что не может долго существовать здесь, его дни сочтены. И за этот короткий срок, что он проведет здесь на земле... Просветленный человек не будет возвращаться снова, он здесь лишь на короткое время, даже если это тридцать, сорок, пятьдесят лет – это очень короткий срок, если сопоставить его с бесконечностью времени. Что значат пятьдесят лет в сравнении с бесконечным течением времени? Он пробудет здесь всего несколько дней, несколько месяцев, несколько лет, и он сможет поработать лишь над немногими людьми. Если его окружают любопытные люди, его энергии будут потрачены зря. Тогда он будет сеять свои семена в пустыне. Это будет неразумно, глупо.

Суфии – не глупые люди, они – очень мудрые люди. Они знают, как использовать свои энергии, поэтому они намеренно маскируются и прячутся. И мелочи оказываются полез-

НЫМИ.

Это стало и моим методом. Когда я вижу, что вокруг меня скопилось слишком много людей определенного типа, и я хочу их отбросить – лишь один намек, всего один намек, и они исчезают. Однажды случилось так, что вокруг меня собралось много джайнов – просто из-за моего рождения, случайности моего рождения. Я родился в семье джайнов, поэтому естественно джайны интересовались мной. Не мной – их интересовал джайна, ставший просветленным. Их не интересовали я и мое просветление, они оказались в своеобразной ловушке эго.

Вскоре их стало слишком много, они растрачивали слишком много моей энергии и слишком много моего времени. Тогда я провел одну беседу – «От секса к сверхсознанию», и они все исчезли. Больше я их не видел. С того времени пятнадцать лет я их не видел.

Затем постепенно вокруг меня стало собираться много сторонников Ганди. И я увидел, что снова разрастается пустыня. Это сорняки, их нужно постоянно вырывать. Вам нельзя отдыхать, если вы по-настоящему заинтересованы в саде и в розах, а оранжевые люди – это мои розы. Если вы по-настоящему заинтересованы в розах, вам придется постоянно выдергивать сорняки. Ведь они появляются снова и снова.

Так и со сторонниками Ганди. После всего нескольких высказываний против Ганди они быстро покинули меня. Так легко становится невидимым для людей. Теперь меня для

них вовсе не существует. Меня практически нет. Они совсем забыли обо мне. Сорняки необходимо отбрасывать.

Мастер должен становиться невидимым снова и снова для людей определенных типов, чтобы он и его энергии оставались доступными для тех, кто по-настоящему ищет.

Что я имею в виду, говоря «настоящий ищущий»? Я имею в виду того, кто готов рисковать всем, чем бы ни пришлось рисковать, у которого не просто «зудит» в голове, кто не только любопытен, но чья проблема – вопрос жизни и смерти. Даже если я заявлю, что потребуются ваша жизнь, если вы – ищущий, то вы скажете: «Я готов. Возьми эту жизнь, но дай мне Бога. Если, отдав свою жизнь, я постигну Бога, тогда я без колебаний готов». Жизнь ничего не стоит для ищущего, ничто не имеет ценности – кроме истины.

Вот почему суфии продолжают прятаться. И помните: это только половина истории. С одной стороны, они постоянно прячутся, с другой, они открывают себя для тех, кто находится в поиске. О второй стороне известно немного. Но эта вторая часть – крайне важна. В действительности, первая часть нужна лишь для второй части, иначе какой смысл в том, чтобы становиться невидимым? Если вы просто станете невидимыми для людей, тогда вы практически мертвы, тогда вы – в могиле. Поэтому, с одной стороны, вам нужно стать невидимыми – для тех, кто бесполезен, и вам нужно все более и более открывать себя для тех, кто находится в поиске. Эти два действия осуществляются параллельно, одновременно.

Я не передвигаюсь по Пуне, вы никогда не увидите меня на улицах Пуны, я никуда не хожу. Меня не интересуют толпы. Я просто исчез из мира. Я создал свой собственный мир – альтернативное общество. Уже приближаются те дни, когда я создам абсолютно автономный собственный мир, где каждый человек будет ищущим – только ищущим будет позволено входить. А затем эта маленькая коммуна станет невидимой для всего мира, затем мы исчезнем в самих себе, мы начнем работать над чем-то в глубочайшей сути бытия.

Но нужно отбросить многое, чтобы попасть туда. Нужно собрать воедино всю свою энергию, чтобы войти.

Третий вопрос:

Ошо, почему люди не верят в то, что во все времена проповедовали все великие мистики?

Они не понимают и не хотят понимать. Другой язык, другие принципы, другие желания.

Люди понимают только то, чего они желают. Ваш язык, по сути, уходит корнями в ваши желания. Ваше желание становится вашим языком.

Сексуально озабоченный человек понимает только язык секса. Сексуально озабоченный, извращенный, подавленный человек понимает только порнографию. Для сексуально удовлетворенного человека порнография будет выглядеть абсурдно. Он не понимает, почему, почему же люди так поме-

шаны на ней.

Человека, желающего забыться, будут интересовать наркотики, но тот, кто знает красоту вспоминания себя, будет совершенно не способен понять, зачем людям погружать себя в наркотический дурман, почему они пытаются забыться. Помнить – это так невероятно радостно.

Суфии говорят, что есть два типа людей, или два человеческих состояния. Один они называют *гофил* – это люди, которые совершенно не помнят себя, пребывают во сне, бессознательные, и другой тип – люди, которые помнят, люди, у которых есть некоторое вспоминание своего существа. И у тех, которые ищут вспоминания себя, будет другой язык. Тот, кто ищет денег, знает только язык денег, тот, кто ищет мира, имеет другой язык. В мире есть множество языков, и все они зависят от ваших желаний.

Человек, начавший искать Бога, истину, безумен в глазах так называемых знатоков жизни. Мистики всегда считались сумасшедшими. В лучшем случае вы их терпите. А если они очень настойчивы, тогда вы начинаете поклоняться им – но вы либо терпите, либо поклоняетесь, они не затрагивают вашу суть. Вы остаетесь в стороне, нетронутыми. Вы сохраняете дистанцию.

В одной истории рассказывается о проповеднике, который отправился в горы, чтобы проповедовать там, и по прибытии он завязал разговор с первым встречным стариком.

«Ты христианин?» – поинтересовался проповедник.

«Не, господин. Христианин живет выше на холме», – ответил горный житель.

«Я интересуюсь, брат, не заблудшая ли ты душа?» – настаивал проповедник.

«Да нет вроде, – ответил горец, – я тут уже тридцать лет и знаю каждую козью тропу в горах».

«Ты не понимаешь, – сказал проповедник, – я имею в виду, готов ли ты к судному дню?»

«А когда он будет?» – поинтересовался горец.

«О, – ответил проповедник, – он может настать уже сегодня, а может и завтра».

«Ради бога, не говори моей женушке, – воскликнул горец, – а то она потащится смотреть и сегодня, и завтра».

Кажется, что общения нет. Проповедник говорит на одном языке, горец говорит на другом, хотя кажется, что они оба говорят на простом английском.

Вы можете говорить на том же языке, но в одном языке существует множество языков: внутри одного языка – другой, внутри второго – третий. Поэт говорит на одном языке, ученый говорит на другом, бизнесмен на третьем.

А мистик? Мистик говорит на языке абсурда, вот почему его не понимают. Он говорит бессмыслицу, именно бессмыслицу – потому что он говорит вещи, которые не понять умом. Он говорит вещи, которые не доступны для восприятия. Он говорит вещи, которые невозможно даже уместить в логическую форму, которые невозможно сформулировать

умом. Он говорит о каких-то тайнах, размыто, туманно, абсурдно, потому что он говорит парадоксами.

Вся истинная религия парадоксальна. И мистик использует так много противоречивых понятий, что в итоге в ваших руках ничего не остается. Если вы спросите его, близок Бог или далек, он ответит: «И то и другое одновременно. Он ближе всего и дальше всего». Что вы из этого поймете? Или он может рассмеяться. Или он может остаться безмолвным. Он может не сказать ни единого слова.

Чтобы понять мистика, вам придется самим стать мистиками. Чтобы понять мистика, вам придется получить посвящение в мистицизм. Чтобы понять мистика, вам придется отбросить ваши старые схемы ума, старые способы мышления. Логическое мышление нужно отбросить. Вам придется стать нелогичными. Вам придется быть готовыми принимать также и нерациональное – потому что жизнь нерациональна, жизнь таинственна, и вы не можете уместить жизнь в догматичных формах.

Вы не можете сказать: «Бог есть», вы не можете сказать: «Бога нет» – потому что Бог – и то, и другое вместе. Он настолько всеобъемлющ, что «есть» и «нет» одновременно скрыты в его существе. «Естьность» – это его периферия, «не-естьность» – его самый центр. В самом центре Бог – ничто иное, как чистое ни-что. Отсюда – *ex nihilo* – все возникает. Мир – это всего лишь периферия; в центре нет ничего, или же есть только ни-что.

Когда мистики говорят такие вещи, вы их слышите, но как вы собираетесь это понять, если ничего подобного еще не начало происходить с вами?

Ты спрашиваешь: «Почему люди не верят в то, что во все времена проповедовали все великие мистики?» Еще одна причина... как вы можете поверить? Вы должны знать. Вера никак не поможет. Даже если вы верите, где-то в глубине вы будете не доверять, где-то в глубине вы будете сомневаться. Каждое верование несет в себе сомнение. Верование не поможет.

Более того, верование создает нечто совершенно противоположное. К примеру, те, кто верит, становятся очень серьезными. Их можно найти в храмах, в церквях, в мечетях. Люди, которые верят, становятся очень серьезными, а люди, которые знают, становятся очень веселыми. Мистики не верят – они знают. Они видели. Они прочувствовали на собственном опыте. И благодаря тому, что они почувствовали Бога, их окружает некоторая игривость. Они существуют в радости. Возле них вы найдете танец. Если вы посмотрите им в глаза, вы увидите веселье, экстаз. Но если вы пойдете и посмотрите на человека, который верит, вы всегда обнаружите вытянутое лицо.

Я слышал...

Совсем юная девочка летом гостила в деревне у своей тети-святоши, чей пуританский подход проявлялся во всем. Каждый раз, когда маленькая девочка хотела что-нибудь сде-

лать, ее тетя с вытянутым лицом говорила: «Не делай этого... нельзя этого делать».

Однажды племянница шла по дороге, очень несчастная, и увидела стоявшего возле забора мула с вытянутой мордой. Она подошла, похлопала его по голове и сказала: «Не расстраивайся, мистер Мул, у моей тети тоже есть религия».

У религиозных людей лица становятся очень вытянутыми. Религиозные люди становятся очень грустными. Религиозные люди перестают жить в мире, не начав жить в Боге. Они застряли посередине, отсюда их грусть. Притом религиозные люди не только сами грустят, они порождают все виды грусти также и в других людях. Они не выносят, когда кто-то счастлив. Если они найдут где-то счастье, они тут же придут, чтобы разрушить его, осудить его. Они против всех радостей. Они против даже самых невинных радостей. Эти люди отравили человечество.

Вера не поможет. Станьте мистиком, но не верьте в мистику. Станьте суфием, но не верьте в суфиев. Станьте мной, но не верьте в меня. Если вы верите в меня, значит, вы сбились с пути.

Какая необходимость верить? Когда вы можете попробовать на вкус, зачем в него верить? Вера означает, что вы откладываете. Вы говорите: «Да, сегодня я буду еще верить, а вот завтра наконец попробую на вкус». Но почему не сегодня? Почему не сейчас? Если вы чувствуете мою вибрацию, тогда вместо того, чтобы думать в терминах веры, начните

думать в терминах проживания ее. Не верьте во что-то, пока вы это не испытали, иначе вы станете лицемером.

Это нужно использовать в качестве критерия: человек веры грустен, а человек знания неизмеримо счастлив. Тот, кто просто верит, – скучен, мертв, сморщен, заморожен, окостенел. А тот, кто знает, – движется, расцветает, его существо излучает благоухание. Он все время в движении. Он никогда не бывает в застое. Он всегда нов.

Пусть религией живут, а не верят.

Четвертый вопрос:

Ошо, однажды я полюбил женщину, но она меня отвергла, и с тех пор я несчастен. Я потерял всю надежду в жизни. Что мне делать?

Поразмышляй над этой историей...

Посетитель сумасшедшего дома увидел, как один из пациентов удовлетворенно раскачивается на стуле и тихо повторяет: «Лулу, Лулу...»

«Что случилось с этим человеком?» – спрашивает посетитель у санитаря.

«Понимаете, Лулу – это женщина, которая ушла от бедняги к другому».

Выслушав это объяснение, посетитель пошел дальше и подошел к палате, обитой мягкой тканью, в которой пациент постоянно бился головой о стену и кричал: «Лулу! Лулу...»

«А почему и этот человек зовет Лулу?» – спросил посетитель.

«Ах, это как раз тот парень, за которого Лулу и вышла замуж».

Не будь таким несчастным. Просто найди того человека, за которого Лулу вышла замуж, и все твои несчастья исчезнут.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.